

Стендаль

**Собрание сочинений. Том 10.
Прогулки по Риму.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С79

Стендаль Ф.
С79 Собрание сочинений. Том 10. Прогулки по Риму. / Стендаль – М.: Книга по Требованию, 2021. – 687 с.

ISBN 978-5-458-50263-4

Стендаль - один из тех писателей, кто составил славу французской литературы XIX века. Его перу принадлежат "Пармская обитель", "Люсьен Левель", "Ванина Ванини", вершиной же творчества писателя стал роман "Красное и черное".

ISBN 978-5-458-50263-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ

Конечно, побывать в Риме шесть раз — не большая заслуга. Решаюсь напомнить об этом обстоятельстве только потому, что оно, может быть, внушит читателю некоторое доверие ко мне.

У автора этого путеводителя большой недостаток: по его мнению, нет или почти нет ничего такого, о чем стоило бы говорить слишком серьезным тоном. XIX век придерживается как раз противоположного взгляда и имеет на то свои основания. Свобода, благодаря которой много превосходных людей вынуждено заявлять о своих убеждениях, хотя они и не имеют времени, чтобы составить их, обязывает каждого принимать *важный вид*, внушающий уважение толпе; мудрецы прощают им, так как этого требует эпоха.

Итак, в этом путеводителе не будет должного педантизма. Но, невзирая на это, почему бы путешественнику, направляющему свои стопы в сторону Рима, не взглянуть в этот путеводитель? Не обладая ни талантами, ни красноречием, автор с тем большим вниманием осматривал памятники Вечного города. Он начал свои записи в 1817 году и исправлял их при каждом новом посещении Рима.

В первый раз автор посетил Рим в 1802 году. За три года до того там была республика. Воспоминания об этом еще волновали всех, и потому к нашему маленькому кружку были приставлены два соглядатая, которые не отставали от нас в продолжение всего нашего пребывания. Когда мы выезжали в окрестности Рима, например на виллу Мадама или к Сан-Паоло-Фуори-ле-Мура, мы угощали их стаканом вина, и они улыба-

лись нам. В день нашего отъезда они поцеловали нам руки.

Обвинят ли меня в «эготизме» за то, что я сообщаю об этом маленьком обстоятельстве? Оно заняло бы целую страницу, если бы я рассказал о нем в академическом или в торжественном стиле. Вот что оправдывает резкий тон и «эготизм» автора.

Он вновь посетил Рим в 1811 году: на улицах уже не видно было священников, и всюду действовал Гражданский кодекс. Это уже был не Рим. В 1816, 1817 и 1823 годах славный кардинал Консальви старался понравиться всем, даже иностранцам. В 1828 году все переменялось. Римлянин, заглянув в трактир, должен был пить стоя, чтобы не подвергнуться наказанию палками на *cavalletto* *.

Г-н Тамброни, г-н Идзимбарди, г-н дельи Антони, граф Парадизи и многие другие знаменитые итальянцы, которых я не могу назвать, так как они еще живы, с большим правом могли бы написать книгу, которую начинаю я, бедный иностранец. В моей книге, конечно, найдутся ошибки, но в ней нет намерения обмануть, польстить, очернить кого-нибудь. Я буду говорить правду. В наше время это нелегкое обязательство, даже когда говоришь о колоннах и статуях.

Я напечатал эту книгу потому, что часто во время моих поездок в Рим я сам чувствовал нужду в такой книге. Каждая глава была результатом прогулки и написана либо перед памятниками, о которых она говорит, либо вечером, по возвращении домой.

Надеюсь, что путешественник будет иногда класть себе в карман один из этих томиков, отправляясь поутру на прогулку по Риму. Вот почему я сохранил здесь некоторые повторения, чтобы не отсылать к тем томам, которые читатель, может быть, не захватит с собою. К тому же книга эта вовсе не столь серьезна, чтобы стоило отыскивать ссылки. Советую вычеркивать карандашом главы, по мере того как вы осматриваете памятники, о которых в них говорится.

Все анекдоты, рассказанные в этих томах, достоверны; во всяком случае, автор считает их таковыми.

* Кобылка (*итал.*). Здесь и далее примечания редакции обозначаются звездочкой.

*Монтерози (в 25 милях от Рима),
3 августа 1827 года.*

Спутники, с которыми я направляюсь в Рим, говорят, что в Санкт-Петербург надо ехать в январе, а в Италию — летом. Зима всюду подобна старости. Сколько бы ни было предосторожностей и средств против зла, оно все же остается злом, и тот, кто видел страну наслаждений только зимой, получит о ней далеко не полное представление.

Миновав отвратительнейшую страну на свете, которую глупцы называют прекрасной Францией, мы прибыли из Парижа в Базель, а из Базеля — в Симплон. Сотни раз мы испытывали желание, чтобы жители Швейцарии говорили по-арабски. Их страстная любовь к новеньким эю и к французской почте, где им щедро платят, оскверняет эту страну в наших глазах. Что сказать о Лаго-Маджоре, о Борромейских островах, об озере Комо? Нужно только пожалеть людей, которые не восхищаются ими безмерно.

Мы быстро проехали Милан, Парму, Болонью; достопримечательности этих городов можно осмотреть за шесть часов. Здесь начались мои обязанности чичероне. Два утра хватило на Флоренцию, три часа — на Тразименское озеро, по которому мы покатались на лодке, и вот, наконец, мы в восьми милях от Рима, через двадцать два дня после того, как выехали из Парижа. Мы могли бы совершить этот переезд в двенадцать или пятнадцать дней. Итальянская почта оказалась для нас

очень удобной; мы, семеро господ и один слуга, приятно путешествовали, заняв одно легкое ландо и коляску. Двое других слуг едут дилижансом из Милана в Рим.

Дамы, с которыми я путешествую, предполагают целый год провести в Риме; он будет чем-то вроде нашей главной квартиры. Оттуда мы будем совершать экскурсии в Неаполь и по всей Италии, вплоть до Флоренции и Апеннин. Нам достаточно, чтобы составить маленькое общество по вечерам, а именно эти часы в путешествии довольно тяжелы. К тому же мы стараемся проникнуть в римские салоны.

Мы надеемся найти там итальянские нравы, которые в Милане и даже во Флоренции несколько испорчены подражанием Парижу. Мы хотим знать, каковы обычаи, с помощью которых жители Рима и Неаполя ищут свое каждодневное счастье. Конечно, наше парижское общество стоит выше, однако мы путешествуем, чтобы видеть что-то новое,— но не дикие племена, как любопытный смельчак, пробирающийся в горы Тибета или высаживающийся на островах Тихого океана. Мы ищем более тонких оттенков, мы хотим наблюдать обычаи, более близкие к нашей высокой цивилизации. Например, как живет в Риме или в Неаполе хорошо воспитанный человек с доходом в сто тысяч франков? Как проводят свои вечера молодые люди, которые могут тратить только четверть этой суммы?

Чтобы выполнять хоть сколько-нибудь достойно свои обязанности чичероне, я указываю на вещи, заслуживающие внимания, но я самым настойчивым образом сохраняю за собою право не выражать своего мнения. Только к концу нашего пребывания в Риме я попрошу моих друзей более внимательно взглянуть на некоторые произведения искусства, достоинства которых трудно заметить, проведя всю свою жизнь среди красивых домов на улице Матюрен и цветных литографий. Не без трепета я произношу первую свою хулу; больше всего мешают восхищаться римскими фресками те картины, которые видишь в Париже. Я записываю здесь только собственные свои мысли и ни в коем случае не впечатления тех милых людей, с которыми я имею счастье путешествовать.

Все же я буду придерживаться принятого нами по-

рядка, так как при некоторой систематичности можно довольно скоро разобраться в бесконечном множестве любопытных вещей, находящихся в Вечном городе. Каждый из нас надписал следующие заглавия на каждой из шести страниц своей записной книжки путешественника:

1. Античные развалины: Колизей, Пантеон, триумфальные арки и т. д.

2. Лучшие произведения живописи: фрески Рафаэля, Микеланджело и Аннибале Карраччи (в Риме мало произведений двух других великих живописцев — Корреджо и Тициана).

3. Лучшие произведения новой архитектуры: собор св. Петра, палаццо Фарнезе и т. д.

4. Античные статуи: «Аполлон», «Лаокоон», — которые мы видели в Париже.

5. Лучшие произведения двух скульпторов нового времени — Микеланджело и Кановы, «Моисей» в Сан-Пьетро-ин-Винколи и гробница папы Редзоники в соборе св. Петра.

6. Государственный строй и нравы, которые являются его следствием.

Государь этой страны обладает самой неограниченной властью и в то же время руководит своими подданными в самом важном деле их жизни — в деле загробного спасения.

Этот государь в юности не бывает принцем. В течение первых пятидесяти лет своей жизни он ухаживает за людьми, более могущественными, чем он. Обычно он приходит к власти, когда другие оставляют ее, в семидесятилетнем возрасте.

Придворный папы всегда надеется занять место своего господина — обстоятельство, которого не существует при другом дворе. В Риме придворный стремится не только понравиться папе, как немецкий камергер хочет понравиться своему князю, — он хочет также получить его благословение. Индульгенцией *in articulo mortis** владыка Рима может даровать своему камергеру вечное спасение. Это не шутка. Римляне XIX столетия совсем не такие неверующие, как мы; в юности они могут питать некоторые сомнения относительно религии, но в

* Перед лицом смерти (лат.).

Риме очень мало деистов. Их встречалось там много до Лютера, бывали даже атеисты. Папы после этого великого человека, испугавшись, стали серьезно следить за воспитанием. Крестьяне так проникнуты католицизмом, что в их глазах ничто в природе не совершается без чуда.

Град всегда идет для того, чтобы наказать соседа, который поленился украсить цветами крест, стоящий на краю его поля. Наводнение есть предупреждение свыше, которое должно обратить на путь истинный целую округу. Если молодая девушка умирает в августе от лихорадки, — это наказание за ее любовные похождения. Священник старается внушить это каждому своему прихожанину.

Эта великая суеверность деревенских людей передается высшим классам через нянек, горничных, прислугу всякого рода. Молодой шестнадцатилетний римский маркезино — самый робкий из людей¹; он отваживается разговаривать только со своей прислужгой; он гораздо глупее своего соседа, сына сапожника или торговца эстампами.

Жители Рима, на глазах у которых совершаются все нелепые поступки кардиналов и других знатных лиц папского двора, отличаются значительно более просвещенным благочестием: всякого рода *аффектация* тотчас же карается сатирическим сонетом².

Итак, у папы две совершенно различные власти: как священник, он может даровать вечное блаженство человеку, которого он может *умертвить* своей властью государя³. Страх, который Лютер внушил папам в XVI веке, был так велик, что, будь Папская область удаленным от континента островом, народ там был бы

¹ См. «Гувернер в затруднительном положении», очень веселую комедию графа Жиро. Те, кто передельывал ее для парижской публики, испугались наших ханжеских нравов и заменили веселость остроумием.

² Ср. сонет о кардиналах последнего назначения; десять лиц охарактеризованы в шестнадцати стихах.

³ История бедного молодого человека, который был *mazzolato* (четвертован — *итал.*) у Порта-дель-Пополо в 1825 году. Он был невиновен. Подробности казни Беатриче Ченчи в 1599 году; доброта Климента VIII, который в то время занимал престол; старания этого папы о том, чтобы дать ей отпущение как раз в нужный момент.

доведен до того состояния нравственного рабства, которое имело место в древнем Египте и в Этрурии, а в наше время наблюдается в Австрии. Войны XVIII века не позволили превратить итальянского крестьянина в скота.

Благодаря счастливой случайности папы, правившие после 1700 года, были людьми достойными. Ни одно европейское государство не может представить подобного списка за эти сто двадцать девять лет. Благие намерения, умеренность, здравомыслие и даже таланты людей, занимавших престол в течение этого периода, выше всяких похвал.

У папы только один министр — *il segretario di stato**, который почти всегда располагает властью первого министра. За истекшие сто двадцать девять лет только один *segretario di stato* был, несомненно, плох — это кардинал Кошия при Бенедикте XIII, и недаром он девять лет провел в крепости св. Ангела.

Никогда не следует требовать от правителя героизма; Рим больше всего боится *духа исследования*, который может привести к протестантизму; поэтому искусство мыслить никогда здесь не поощрялось, а при случае даже преследовалось. После 1700 года Рим дал много хороших знатоков древности. Последний по времени, Квирино Висконти, известен всей Европе и заслуживает своей славы. По моему мнению, это человек единственный в своем роде. В этой стране появились два великих поэта: Метастазιο, которому мы во Франции не отдаем должного, и в наши дни Винченцо Монти (автор «Басвилланы»), умерший в Милане в 1828 году. Их произведения отлично изображают эпоху. Оба они были очень благочестивы.

Для мирян поприще честолюбия здесь закрыто. В Риме есть свои князья, но их имен не найти в местном королевском альманахе («*Notizie*» Кракаса), а если они и встречаются, то только как отправляющие какую-нибудь благотворительную неоплачиваемую должность, не связанную с какой бы то ни было государственной властью, вроде тех должностей, которых министр Корбьер лишил герцога де Лианкура.

* Государственный секретарь (итал.).

Если бы система народного представительства не влекла за собою духа исследования и свободы печати, то какой-нибудь честный папа, вроде Ганганелли или Ламбертини, даровал бы своим народам одну палату для утверждения бюджета.

Тогда нужно было бы иметь способности, чтобы стать *tesoriere* — так называется министр финансов. В эту палату могли бы войти десять депутатов от городов, двадцать римских князей и все кардиналы. Когда-то эти господа были папскими советниками.

Есть опасность, что здесь вспыхнет жестокая гражданская война, как только девятнадцать миллионов итальянцев увидят, что Австрия, которая представляется им чем-то вроде людоеда, втянута в какую-либо длительную войну; тогда обе партии обратят свои взоры к королю Франции.

Рим — государство деспотическое, но должности здесь пожизненные, и никого никогда с них не смещают. При Льве XII все переменялось благодаря карбонаризму и господину Меттерниху. В Равенне и в Форли царствует террор. Самые выдающиеся люди — в тюрьме или в изгнании. Флоренция — это оазис, где все бедные преследуемые итальянцы ищут убежища. Те, у кого совсем нет средств, едут на Корсику.

Рим можно осматривать двумя способами: 1) можно изучать все, что есть интересного в одном квартале, и затем переходить к другому; 2) или же каждое утро искать тот род красоты, к которому чувствуешь влечение, вставая поутру. Мы выберем второй способ. Как истинные философы, мы ежедневно будем делать то, что нам покажется наиболее приятным в этот день, — *quam minimum credula postero* *.

Рим, 3 августа 1827 года.

В шестой раз въезжаю я в Вечный город, и все же душа моя глубоко взволнована. У людей претенциозных с незапамятных времен установился обычай волноваться при въезде в Рим, и мне почти стыдно за то, что я только что написал.

* Как можно меньше доверяясь следующему (*лат.*).

9 августа.

Предполагая провести здесь не один месяц, мы потратили несколько дней, как дети, осматривая все то, что нам казалось любопытным. Приехав, я прежде всего посетил Колизей, мои друзья отправились в собор св. Петра, на следующий день мы бегло осмотрели музей и stanze (или комнаты) Рафаэля в Ватикане. Проходя мимо произведений, подписанных знаменитыми именами, мы испугались их количества и бежали из Ватикана: удовольствие, которое он предлагал нам, было слишком серьезным. Сегодня, чтобы взглянуть на город Рим и гробницу Тассо, мы поднялись на Сант-Онофрио. Великолепное зрелище! Оттуда мы заметили палаццо Монте-Кавалло на другой стороне Рима и отправились туда. Потом нас привлекли великие названия: Санта-Мария-Маджоре и Сан-Джованни-ди-Латерано. Вчера, в дождливый день, мы осмотрели галереи Боргезе и Дориа и статуи на Капитолии. Несмотря на необычайную жару, мы непрерывно в движении; мы словно алчем все побидать и каждый вечер возвращаемся домой страшно утомленные.

10 августа.

Сегодня утром, выйдя из дому, чтобы осмотреть какой-то знаменитый памятник, мы остановились на дороге перед великолепными развалинами, а затем перед красивым палаццо, в который и вошли. В конце концов мы направились куда глаза глядят. Мы наслаждались тем, что, находясь в Риме, располагаем полнейшей свободой, *не думая о том, что нам нужно что-то осматривать.*

Жара необычайная. С раннего утра мы усаживаемся в экипаж, к десяти часам укрываемся в какой-нибудь церкви, где находим прохладу и мрак. Сидим в молчании на деревянной скамье, с запрокинутой на спинку головой, и нам кажется, что наша душа порывает со всем земным словно для того, чтобы с глазу на глаз созерцать прекрасное. Сегодня мы укрылись в Сант-Андреа-делла-Валле, у фресок Доменикино, вчера — в Санта-Прасседе.

12 августа.

Безумие первых дней немного улеглось. Мы хотим осматривать памятники во всех подробностях. Так они доставят нам теперь больше удовольствия. Завтра утром мы отправимся в Колизей и не уйдем оттуда, пока не осмотрим всего, что полагается в нем видеть.

13 августа.

3 августа мы проехали по заброшенным полям и огромной пустыне, простирающейся на много миль во круг Рима. Вид местности великолепен; это не голая равнина, здесь всюду растительность. На каждом шагу привлекают внимание какой-нибудь остаток акведука или развалины гробницы, сообщающие Римской Кампанье характер несравненного величия. Красоты искусства усиливают впечатление от красот природы и не дают вам пресытиться, а ведь пресыщение особенно портит удовольствие от пейзажей. Часто в Швейцарии через мгновение после самого острого восхищения неожиданно вами овладевает скука, здесь же мысль запыта воспоминанием о великом народе, которого уже не существует. То вы словно испуганы его могуществом и видите, как он опустошает землю; то вы сострадаете его бедствиям и длительному упадку. Пока вы грезите об этом, лошади сделали четверть мили; вы обогнули холм, вид местности изменился, и душа вновь восхищена чудеснейшими пейзажами. *Salve magna parens gerum* *.

3 августа у нас не было времени отдаваться этим чувствам. Мы были взволнованы куполом св. Петра, вздымавшимся на горизонте; мы боялись, что приедем в Рим только к ночи. Я поговорил с почтальонами, желтыми и полумертвыми беднягами, страдающими лихорадкой; вид экую вывел их из оцепенения. Наконец, когда солнце уже заходило за собором св. Петра, они задержали лошадей на Виа Кондотти и предложили нам остановиться у Франца, поблизости от Пьяцца ди Спьянья. Мои друзья наняли квартиру на этой площади: здесь ютятся все иностранцы.

Вид такого количества скучающих фатов испортил бы мне впечатление от Рима. Я стал искать глазами

* Привет тебе, великая родительница всего сущего! (лат.)